

Всё началось с того, что меня втянули в неприятности, — Вэй Минцзюэ выглядел несколько смущенным. — У меня случилась размолвка с одним... господином.

Старый монах, услышав это, с улыбкой поднялся со своего места:

— Цзюцзянь, я пойду приготовлю постный ужин для наших гостей, а ты пока развлеки их беседой.

Я тяжело вздохнул. С самого детства я не видел, чтобы старик готовил что-то, кроме жидкой рисовой каши. Похоже, он решил припомнить мне старые грешки, но я совсем не хотел, чтобы он знал об этом деле.

— Слушаюсь, учитель.

— Из-за этой истории у него и раньше были размолвки с семьей, а после того, как мы окончательно рассорились, он совсем пал духом. Не знаю, где он раздобыл эту дрянь, но с тех пор не мог без неё жить и даже пытался втянуть меня, — Вэй Минцзюэ дождался, пока старик уйдет, и, облегченно выдохнув, продолжил: — В тот день он пригласил меня в винный дом. Я пришел, движимый старой привязанностью, но кто бы мог подумать, что он подсыплет мне в вино порошок для снятия мышечного тонуса? Он хотел вынудить меня принять эту отраву, а затем склонить к... постыдным действиям. — Вэй Минцзюэ поморщился, вспоминая тот день с явным отвращением. — Раньше он... он был совсем другим.

— Молодой господин Чэнь — младший ребенок в семье, родители с детства души в нем не чаяли. Если бы не вы, Малый ван, он мог бы прожить счастливую жизнь, — я сложил ладони вместе и произнес бесстрастным тоном: — Даже если Порошок Высшего Блаженства передали ему не вы, разве не вы стали причиной того, что он оказался в таком положении?

— Но я ведь уже сделал подношение семье Чэнь...

— Семья Чэнь — богатейший род в области Лу, им не нужны ваши деньги, — я откровенно презирал подобное поведение. — После того как молодой господин Чэнь ушел из дома, его мать слегла с тяжелой болезнью. Глава семьи проделал долгий путь, чтобы просить моего учителя помолиться за его жену и сына. Учитель уже стар, ему тяжело переносить такие поездки, поэтому я отправился вместо него. По иронии судьбы, по дороге я встретил и молодого господина Чэнь, и главу Павильона Ветров и Облаков.

— Молодой господин Чэнь почти одного возраста со мной. В детстве госпожа Чэнь привозила его в наш храм, так что я его узнал. В тот день я остановился в уезде Гуанъянь, префектура Ичжоу, и зашел в чайную, чтобы попросить воды. Там было многолюдно, и я случайно заметил его, но не знал, что с ним были люди из Павильона Ветров и Облаков. Заметив, что ведут они себя странно, я решил проследить за ними. Те люди оказались крайне осторожными, мне не удалось задержаться надолго, и пришлось дожидаться, пока они уйдут, чтобы тайно наблюдать за молодым господином Чэнь.

Чу Шэчжи не отрывал от меня взгляда, словно голодный пес, ожидающий подачки. У меня возникло непреодолимое желание засунуть ему в рот здоровую кость.

Грешно, грешно. Я — скромный монах, даже собаку могу покормить разве что лепешкой.

Я собрался с мыслями и продолжил:

— Примерно в час петуха молодой господин Чэнь снял отдельную комнату в винном доме, а вскоре туда вошел Малый ван. Я понимал, что лезть в чужие дела не стоит, и собирался уйти, чтобы разыскать его позже, но заметил, как группа людей проскользнула внутрь. Они заняли комнату по соседству. Почувствовав неладное, я пробрался в комнату молодого господина Чэнь через окно и как раз застал... потерявшего рассудок молодого господина Чэнь и парализованного Малого вана.

То, что произошло в ту ночь, оставило у меня неизгладимое впечатление. Вэй Минцзюэ, полураздетый, с распахнутой на груди одеждой, лежал на кровати, а сверху на нем, извиваясь, сидел абсолютно нагой молодой господин Чэнь. Эта картина навсегда врезалась мне в память, породив мысли вроде: а ведь быть монахом не так уж и плохо. В общем, зрелище было... неопишущим.

Я погрузился в воспоминания, приняв вид человека, постигшего истину и отринувшего мирскую суету. Вэй Минцзюэ, видимо, тоже всё вспомнил — из гордости он не стал закрывать лицо руками, но взгляд, который он бросил на Чу Шэчжи, ясно выражал его желание убить. Чу Шэчжи, конечно, не испугался — судя по всему, он и сам был не прочь погулять, — и быстро понял, что я имел в виду.

Хотя обсуждать такие интимные подробности было неловко, ради истины Чу Шэчжи пришлось прервать мои раздумья:

— И... что было дальше?

— Я оглушил молодого господина Чэнь, — я сложил руки в молитвенном жесте. — Амиабха, грешен.

— К тому времени Чэнь Пэй уже успел наглотаться этой дряни. Если бы он не был в беспамятстве и не просыпал остатки порошка мне на одежду, я бы точно попался и уже никогда не смог бы слезть с этой отравы, — лицо Вэй Минцзюэ помрачнело. — Если бы я пристрасился к ней... последствия были бы немыслимы.

Хотя Вэй Минцзюэ обычно не вмешивался в государственные дела, он всё же был кровным родственником императора. Если бы с ним что-то случилось или его взяли под контроль, это могло бы привести к кровавой смене власти, а то и к обвинениям в измене.

Чу Шэчжи тоже осознал коварство замысла:

— С такими планами они вряд ли позволили бы Малому вану просто уйти. Похоже, мастер Цзюцзянь не слишком силен в боевых искусствах, вам, должно быть, пришлось нелегко.

— Вы сомневаетесь, как мне удалось выбраться с двумя взрослыми мужчинами на руках? — я слегка улыбнулся. — Я монах, а монах — добропорядочный гражданин. А когда добропорядочный гражданин попадает в беду, он, естественно, обращается к властям.

Чу Шэчжи на мгновение опешил, но затем рассмеялся:

— Прошу прощения, я был неправ.

Я взглянул на Вэй Минцзюэ:

— У меня не было времени на расспросы, поэтому до прибытия чиновников я спрятал Малого вана в деревянном сарае винного дома. Те люди, поняв, что что-то пошло не так, ворвались в комнату, чтобы замести следы, но, к счастью, у меня при себе были средства защиты, и я дождался стражи вместе с бесчувственным молодым господином Чэнь.

Чу Шэчжи приподнял бровь:

— Мастер Цзюцзянь, добропорядочный гражданин... вряд ли стал бы прятать важных свидетелей до прихода властей, верно?

Ах ты ж, решил вернуть мне мои же слова! Неужели я позволю ему так легко взять верх?

— Возможно, потому что я посчитал, что стража едет слишком медленно, — я прямо встретил его пыливый взгляд. — А может, еще и потому, что среди тех стражников оказались люди, которые ранее сидели за одним столом с молодым господином Чэнь.

Чу Шэчжи изменился в лице:

— Вы хотите сказать... что при дворе тоже есть их люди?

Вэй Минцзюэ наконец взял себя в руки:

— Именно так. Они просчитались, решив, что я легкая добыча, а Цзюцзянь спутал им все карты. Они затаили злобу и изрядно попортили ему жизнь.

Чу Шэчжи, видимо, был тронут моим благородством и с явным неодобрением обратился к Вэй Минцзюэ:

— Раз они затаили злобу, они могут нанести удар чужими руками. Как вы могли позволить мастеру разбираться с этим в одиночку!

— Это я не позволил Малому вану вмешаться.

Чу Шэчжи и Вэй Минцзюэ одновременно посмотрели на меня.

— Я хочу найти одного человека, — я прикусил губу. — Этот человек для меня очень важен.

Чу Шэчжи прищурился:

— Мастер, вы сменили тон.

Взгляд Вэй Минцзюэ стал опасным:

— Ты никогда не говорил, что кого-то ищешь. Кого ты ищешь?

С чего бы мне отчитываться перед вами? Я вообще не хочу с вами разговаривать!

— Вы очень проницательны, — я проигнорировал Вэй Минцзюэ. — Учитель говорил мне, что в миру у меня осталась неразрешенная кармическая связь. Я никогда не видел этого человека, но чувствую, что это именно он. Я ищу того, кто создал Порошок Высшего Блаженства.

— Анан, ты закончил беседу с гостями? — учитель принес каменный поднос, на котором стояли котелок и четыре миски. — Постный обед готов. Если не побрезгуете, прошу к столу.

Мы уже закончили разговор. Чу Шэчжи, увидев дымящийся котелок, с предвкушением сказал:

— Слышал от местных, что постная еда в Храме Белого Дракона — лучшая в округе. Не думал, что мне выпадет честь отведать блюда, приготовленные самим мастером Тяньцзином.

— Ха-ха-ха, — мой учитель погладил бороду, дождался, пока я расставляю миски и палочки, и собственноручно снял крышку с котелка. — Вы слишком добры, господин! Прошу, угощайтесь!

Чу Шэчжи:

Вэй Минцзюэ:

Я, привыкший к этому, с каменным лицом произнес:

— Да, учитель умеет готовить только рисовую кашу.

В клубах пара, в самом деле, красовался полный котелок натуральной, без всяких прикрас... рисовой каши!

У Чу Шэчжи дернулся уголок рта, но он быстро взял себя в руки и наложил себе миску:

— Каша мастера так естественна и проста, чувствуется в ней глубокий дзен, не так ли?

— Верно, — Вэй Минцзюэ с серьезным видом уставился в свою миску. — Я словно вижу в этой каше всё многообразие жизни. Рисинки хоть и собраны вместе, но каждая отдельна. Мастер хочет сказать нам, что всё сущее — это независимые единицы. Поистине глубокий смысл.

Учитель с большим одобрением посмотрел на них и спросил меня:

— Анан, а ты что скажешь?

— Слова гостей весьма разумны, — внутри у меня не дрогнул ни один мускул, хотя хотелось рассмеяться. — Пусть гости не спеша вкушают эту простоту и глубину. — Я встал: — Учитель, на кухне остались два кочана капусты. Позвольте мне приготовить капусту в уксусном соусе.

— Отлично, — кивнул учитель. — Уксуса не жалею.

— Слушаюсь. — Я отвесил поклон и вышел, закрыв за собой дверь.

Как говорится, Будда не спасает дураков. Вэй Минцзюэ подлизывается к моему учителю, потому что хочет приударить за мной, но почему Чу Шэчжи тоже начал льстить? Правду говорят: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Неужели этот величайший герой цзянху — предводитель клуба подхалимов? Мой интерес к цзянху угас в одно мгновение! Пожалуй, лучше мне оставаться монахом...

— Господа, — мастер Тяньцзин с добротой посмотрел на них. — Если вы спешите, можете начинать, а мы с Ананом поедем позже.

Если бы Чу Шэчжи не понял намека, он не был бы собой. Он отложил ложку, к которой даже не притронулся, и натянуто улыбнулся:

— Мастер, у меня есть к вам просьба...

Мастер Тяньцзин с улыбкой прервал его:

— Господин Чу, знаете ли вы, что такое кармическая связь?

Чу Шэчжи глубоко вздохнул и сложил ладони:

— Прошу, наставьте меня.

— Не мне вас наставлять, — ответил мастер. — Когда вы еще не были знамениты, мы с вами уже встречались. Вы были юны, но уже тогда в вас чувствовалась стать великого героя. Ваш путь привел вас сюда, и это ваша карма. У Анана... разумеется, своя карма. Он сам должен выбрать свою дорогу, и я не стану вмешиваться. — Мастер закрыл глаза. — Но что бы ни

случилось, он должен осознать всё сам. Вы понимаете?

Это было мягкое предупреждение. Чу Шэчжи горько усмехнулся:

— У мастера Цзюцзяня есть привязанность в сердце.

Мастер Тяньцзин слегка улыбнулся:

— Тогда прошу вас, оставайтесь сегодня на ночлег.

Чу Шэчжи и Вэй Минцзюэ были поражены.

— Если Анан примет решение, он сам придет ко мне.

<http://bllate.org/book/22245/2325284>